

Уже очень давно, ещё школьником, я заметил, что в нашей семье было как-то не принято разговаривать о наших ближайших родственниках, как со стороны отца, так и со стороны мамы. Создавалось впечатление, что наши с тобой родители возникли в этом мире как-то сами собой, из пены морской, аки Венус беспутная. Думаю, что и у тебя сложилось похожее впечатление.

Сначала, по молодости лет, я приписал это удивительное свойство характеров наших родителей элементарному равнодушию к окружающим нас людям и ко всему миру в целом.

Известно, что мама наша, не в укор ей будет сказано, была человеком жёстким, истеричным и, по отношению к близким людям, довольно агрессивным. В любой скандал она лезла легко, как бык на ворота. Поэтому, казалось, что и объяснение упомянутого равнодушия к людям и событиям, прямо не касающихся семейных дел, лежало где-то рядом.

Папа был человек очень добрый, покладистый, и очень любил маму, эта любовь была его великим счастьем, но, как мы оба понимаем, великое счастье обычно ходит рядом с большой бедой, и на общее положение дел эта его любовь повлияла мало, а, возможно, и вообще никак.

Но, позднее, по зрелому размышлению, я понял, что здесь всё не так просто. И что эти свойства характеров, являются не причиной этого видимого равнодушия, а следствием гораздо более мощного чувства – неизбежного и постоянного Страх за жизнь своих близких, (то есть нашу с тобой, в первую очередь), и за свою собственную, (думаю, что это было чувство второго плана).

Дело дошло до того, что, когда в 1969 году в Питер приехала наша с тобой хмелевская тётя – Анастасия Михайловна Тябина (совершенно прелестная старушка, очень похожая на папу), родители поначалу даже не захотели пустить её в дом, (они жили тогда на Куликовской улице). Моё решительное вмешательство, (я заявил, что забираю тётю Настю к себе в Колтуши), заставило их очухаться и прекратить этот позор.

Тётя Настя прожила у них с неделю, и я много поговорил с нею и много чего узнал о наших родственниках, живших как в самом Хмелеве, так и уехавших в разные другие места.

В частности, я узнал, что в XIX веке в деревне Хмелево жили всего две фамилии – Колесниковы и Емельяновы, Бахилиным стал называться наш с тобой прапрадед. Деда, – Михаила Емельяновича Бахилина, именовали иногда по старинке Емельяновым. Сельский поп (тоже, естественно, Емельянов) именовал нашего отца, когда тот учился в церковно-приходской школе, тоже Иваном Емельяновым.

Колесниковы, помимо хлебопашества, строили телеги и штучные колёса для московских карет, а Емельяновы занимались плотницким и столярным делом. Поскольку дело это требовало заготовки древесины в больших количествах, которая происходила, в основном, зимой, Емельяновы шили (сначала только для себя, а затем и на продажу), бахилы – высокие холщёвые сапоги, которые одевались поверх лаптей, обычных сапог или валенок. Голенища бахил крепились ремешками на поясе.

Отсюда и наша фамилия.

Интересно, что в странах, в которых распространены приспособления, защищающие обувь от каких-либо внешних воздействий, имеются и фамилии, подобные нашей. Во всех европейских языках существуют слова, звучащие примерно одинаково – botas – боты – это прямой аналог бахил. Испанские botas – на мексиканском диалекте – это кожаные ботфорты, крепящиеся ремешками к поясу, и защищающие ноги всадника от пыли и грязи.

Вообще-то, Бахилиных на Руси, по данным Internet, как оказалось, великое множество, правда, населяют они, в основном, районы северо-восточной России, (Владимирская губерния – самая южная часть этого района), и Белоруссию.

Из самых известных наших родственников из села Хмелево могу указать на народного артиста России Юрия Николаевича Медведева, нашего с тобой троюродного брата, (родился в 1920 году, – жив ли, – не знаю). Его дед, Николай Евдокимович Бахилин приходится нашему деду, Михаилу Евдокимовичу, родным братом. Николай Евдокимович в 1930 году был раскулачен (имел собственные мельницу и маслобойню) и дальнейшая его судьба мне неизвестна. Естественно, с раскулаченными родственниками наши родители не имели никаких связей.

Почти все мужчины села Хмелево, которые не попали под раскулачивание, сгинули в Великой Войне.

Тётя Настя сказала мне, что в деревне Хмелево никогда не было бедных, а, тем более, нищих! Это было богатое русское село, населённое людьми, которые уже во многих поколениях не были рабами, потому что, будучи вначале "государевыми крестьянами", давно выкупили себя и свои семьи из крепостной зависимости, – ещё до освобождения крестьян в 1862 году!

Село Хмелево было прекрасно из конца в конец. Продукты своего труда крестьяне продавали на ярмарках Киржача и Владимира. Хмелевские рыжики поставлялись в московский ресторан "Славянский базар". Их собирали, в основном, дети, тётя Настя, в частности. За литровую молочную бутылку рыжиков, (горлышко бутылки служило "калибром"), грибник получал от скупщика пять копеек. В то время это были большие деньги! Особенно, если учесть, что собирать рыжики можно было пудами.

В деревне была школа, прекрасная церковь, земская больница, маслобойня и кузница у семьи Кузнецовых, естественно. Это было село настоящих мастеров, независимых и свободных людей, привыкших и умевших работать как артелью, так и вполне самостоятельно. Людей, знавших себе цену и уверенных в себе.

Весной 1918 года почти все мужики, кроме глубоких стариков, ушли из села на заработки. Это был, на мой взгляд, мудрый и глубоко продуманный шаг. Мужики решили не проводить сев, а средства к существованию добыть себе пролетарским трудом. Они уже догадались, что хлеб всё равно отберут, в любом случае. Уход же на заработки в провинцию, давал им не только возможность заработать, но и уйти, на некоторое время, от неизбежной мобилизации, которая означала в то время почти верную смерть.

Как тебе, наверное, известно, все наши Бахилины в составе артели из пяти человек, включая ещё и одного печника, ушли в Шатурский уезд Московской губернии. Там они вначале ставили избы, а затем, когда заказчики обнищали, устроились на работу в Государственную Шатурскую опытную станцию бондарями, где изготавливали чаны и кадки для консервации продукции этой самой Опытной станции.

О качестве работы этой артели и о темпах этой работы все современные нам плотники могут только мечтать. По рассказам папы, в первый день артель ставила сруб, второй день печник работал печь, третий день изба подводилась под крышу, четвёртый и пятый – настил пола и внутренняя отделка. И всё. Дом готов. Быстрее, чем Господ Бог сотворил мир!

В любом нормальном обществе и государстве такие мастера просто физически не могли быть бедными!

Вот как их звали – Бахилин Михаил Евдокимович, – глава артели, Бахилин Алексей Михайлович, Бахилин Иван Михайлович, Бахилин Павел Михайлович –

артельщики-плотники и столяры, Колесников Пётр Иванович – печник и плотник по совместительству. Я очень счастлив и горд, что у меня были такие предки, и, хотя все они уже давно умерли, память о них и об их талантах, нам с тобой, я надеюсь, удастся сохранить.